Павел Бажов

Ключ земли

К этому ремеслу - камешки-то искать - приверженности не было. Случалось, конечно, нахаживал, да только так... без понятия. Углядишь на смывке галечку с огоньком, ну и приберешь, а потом у верного человека спрашиваешь - похранить иль выбросить?
С золотом-то куда проще. Понятно, и у золота сорт есть, да не на ту стать, как у камешков. По росту да по весу их вовсе не разберешь. Иной, глядишь, большенький, другой много меньше, оба ровно по-хорошему блестят, а на поверку выходит разница. Большой-то за пятак не берут, а к маленькому тянутся: он, дескать, небывалой воды, тут игра будет.
Когда и того смешнее. Купят у тебя камешок и при тебе же половину отшибут и в сор бросят. Это,- говорят,- только делу помеха: куст темнит. Из остатка еще половину сточат, да и хвалятся: теперь в самый раз вода обозначилась и при огне тухнуть не станет. И верно, камешок вышел махонький, а вовсе живенький, - ровно смеется. Ну, и цена у него тоже переливается: услышишь - ахнешь. Вот и пойми в этом деле!
А разговоры эти, какой камень здоровье хранит, какой сон оберегает, либо там тоску отводит и протча, это все, по моим мыслям, от безделья рукоделье, при пустой беседе язык почесать, и больше ничего. Только один сказ о камешках от своих стариков перенял. Этот, видать, орешек с добрым ядрышком. Кому по зубам - тот и раскусит.
Есть, сказывают, в земле камень-одинец: другого такого нет. Не то что по нашим землям, и у других народов никто того камня не нахаживал, а слух про него везде идет. Ну, все-таки этот камешок в нашей земле. Это уж старики дознались. Неизвестно только, в котором месте, да это по делу и ни к чему, потому - этот камешок сам в руки придет кому надо. В том и особинка. Через девчонку одну про это узнали. Так, сказывают, дело-то было.
То ли под Мурзинкой, то ли в другом месте был большой рудник. Золото и дорогие каменья тут выбирали. При казенном еще положении работы вели. Начальство в чинах да ясных пуговках, палачи при полной форме, по барабану народ на работу гоняли, под барабан скрозь строй водили, прутьями захлестывали. Однем словом, мука-мученская.
И вот промеж этой муки моталась девчушка Васенка. Она на том руднике и родилась, тут и росла, и зимы зимовала. Мать-то у ней вроде стряпухи при щегарской казарме была приставлена, а про отца Васенка вовсе не знала. Таким ребятам, известно, какое житье. Кому бы и вовсе помолчать надо, и тот от маяты-то своей, глядишь, кольнет, а то и -колотушку даст: было бы на ком злость сорвать. Прямо сказать, самой горькой жизни девчонка. Хуже сироты круглой. И от работы ущитить ее некому. Ребенок еще, вожжи держать не под силу, а ее уж к таратайке нарядили: "Чем под ногами вертеться, вози-ко песок!"
Как подрастать стала, - пехло в руки да с другими девками-бабами на разборку песков выгонять стали. И вот, понимаешь, открылся у этой Васенки большой талан на камни. Чаще всех выхватывала, и камешок самый ловкий, вовсе дорогой.
Девчонка без сноровки: найдет и сразу начальству отдает. Те, понятно, рады стараться: который камешок в банку, который себе в карман, а то и за щеку. Недаром говорится: что большой начальник в кармане унесет, то маленькому подальше прятать надо. А Васенку все похваливают, как сговорились. Прозвище ей придумали - Счастливый Глазок. Какой начальник подойдет, тот первым делом и спрашивает:
- Ну, как, Счастливый Глазок? Обыскала что?
Подаст Васенка находку, а начальник и затакает, как гусь на отлете:
- Так-так, так-так. Старайся, девушка, старайся!
Васенка, значит, и старается, да ей это и самой любопытно.
Раз обыскала камешок в палец ростом, так все начальство сбежалось. Украсть даже никому нельзя

стало, поневоле в казенный банк запечатали. Потом уж, сказывают, из царской казны этот камешок в котору-то заграницу ушел. Ну, не о том разговор...
От Васенкиной удачи другим девкам-бабам не сладко. От начальства прижимка.
- Почему у ней много, а у вас один пустяк да и того мало? Видно, глядите плохо.
Бабешки, чем бы добром подучить Васенку, давай ее клевать. Вовсе житья девчонке не стало. Тут еще пес выискался - главный щегарь. Польстился, видно, на Васенкино счастье, да и объявил:
- Женюсь на этой девчонке.
Даром что сам давно зубы съел, и ближе пяти шагов к нему не подходи: пропастиной разит, - из нутра протух, а тоже гнусит:
- Я те, девонька, благородьем сделаю. Понимай это и все камешки мне одному сдавай! Другим не показывай вовсе.
Васенка хоть высоконькая на ногах была, а еще далеко до невест не дотянула. Подлеток еще, годов может тринадцати, много четырнадцати. Да разве на это поглядят, коли начальство велит. Сколь хочешь годов попы по книгам накинут. Ну, Васенка, значит, и испужалась. Руки-ноги задрожат, как увидит этого протухлого жениха. Поскорее подает ему, какие камешки нашла, а он бормочет:
- Старайся, Васена, старайся! Зимой-то на мягкой перине спать будешь.
Как отойдет, бабенки и давай Васенку шпынять, на смех поднимут, а она и без того на части бы разорвалась, кабы можно было. После барабана к матери в казарму забежит - того хуже. Мать-то, конечно, жалела девчушку, всяко ее выгораживала, да велика ли сила у казарменной стряпухи, коли щегарь ей начальник и всякий день может бабу под прутья доставить.
До зимы все-таки Васенка провертелась, а дальше невмоготу стало. Каждый день этот щегарь на мать наступать стал:
- Отдавай дочь добром, а то худо будет!
Про малолетство ему и не поминай - бумажку от попов в нос тычет:
- Еще что сплетешь? По книгам-то, небось, шестнадцать лет обозначено. Самые законные годы. Коли упрямство свое не бросишь, пороть тебя завтра велю.
Тут мать-то и подалась:
- Не уйдешь, видно, доченька, от своей доли!
А доченька что? Руки-ноги отнялись, слова сказать но может. К ночи все-таки отошла и с рудника побежала. Вовсе и не сторожится, прямо по дороге зашагала, а куда - о том и не подумала. Лишь бы от рудника подальше. Погода-то тихая да теплая издалась, и с вечера снег пошел. Ласковый такой снежок, ровно мелкие перышки просыпались. Дорога лесом пошла. Там, конечно, волки и другой зверь. Только Васенка никого не боится. На то решилась:
- Пускай лучше волки загрызут, лишь бы не за протухлого замуж.
Вот она, значит, и шлепает да шлепает. Сперва-то вовсе ходко шла. Верст, поди, пятнадцать, а то и все двадцать отхватила. Одежонка у ней не больно справная, а итти не холодно, жарко даже: снегу-то насыпало, почитай, на две четверти, еле ноги вытаскивает,- вот и согрелась. А снег-то все идет да идет. Еще ровно дружнее стал. Богатство прямо. Васенка и притомилась, из сил выбилась, да на дороге и села.
"Дай,- думает,- отдохну маленько",- а того понятия нет, что в такую погоду садиться на открытом месте - хуже всего.
Сидит это, на снежок любуется, а он к ней липнет да липнет. Посидела, а подняться и не может. Только не испугалась, про себя подумала:
"Еще, видно, посидеть надо. Отдохнуть как следует".
Ну, и отдохнула. Снегом-то ее совсем завалило. Как копешка среди дороги оказалась. И вовсе от деревнл близко.

По счастью, наутро какому-то деревенскому,- он тоже летами маленько камешками да золотом занимался,- случилось в ту сторону на лошади дорогу торить. Лошадь и насторожилась, зафыркала, не подходит к копешке-то. Старатель и разглядел, что человека засыпало. Подошел поближе, видит - ровно еще не вовсе охолодал, руки гнутся. Подхватил Васенку да в сани, прикрыл своим верхним тулупом и домой. Там с женой занялись отхаживать Васенку. И ведь отутовела. Глаза открыла и пальцы на руках разжала. Глядит, а у ней в руке-то камешок большой блестит, чистой голубой воды. Старатель даже испугался, - еще в острог за такой посадят, - и спрашивает:
- Где взяла? Васенка и отвечает:
- Сам в руку залетел.
- Как так?
Тогда Васенка и рассказала, как дело было.
Когда ее уж вовсе стало засыпать снегом, вдруг открылся перед ней ходок в землю. Неширокий ходок, и темненько тут, а итти можно: ступеньки видать и тепло. Васенка и обрадовалась. "Вот где,- думает,- никому из руднишных меня не найти", - и стала опускаться по ступенькам. Долго спускалась и вышла на большое-большое поле. Конца-краю ему не видно. Трава на этом поле кустиками и деревья реденько, - все пожелтело, как осенью. Поперек поля река. Черным-чернехонька, и не пошевельнется, как окаменела. За рекой, прямо перед Васенкой, горочка небольшая, а на верхушке камни-голыши: посредине- как стол, а кругом - как табуреточки. Не по человечьему росту, а много больше. Холодно тут и чего-то боязно.
Хотела уж Васенка обратно податься, только вдруг за горкой искры посыпались. Глядит, - на каменном-то столе ворох дорогих камней оказался. Разными огоньками горят, и река от них повеселее стала. Глядеть любо. Тут кто-то и спрашивает:
- Это на кого? Снизу ему кричат:
- На простоту.
И сейчас же камешки искорками во все стороны разлетелись. Потом за горкой опять огнем полыхнуло и на каменный стол камни выбросило. Много их. Не меньше, поди, сенного воза. И камешки покрупнее. Кто-то опять спрашивает:
- Это на кого?
Снизу кричат:
- На терпеливого.
И, как тот раз, камешки полетели во все стороны. Ровно облако жучков поднялось. Та только различна, что блестят по-другому. Одни красным отливают, другие зелеными огоньками посверкивают, голубенькие тоже, желтенькие... всякие. И тоже на лету жужжат. Загляделась Васенка на тех жучков, а за горкой опять огнем полыхнуло, и на каменном столе новый ворошок камней. На этот раз вовсе маленький, зато камни все крупные и красоты редкой. Снизу кричат:
- Это на удалого да на счастливый глаз.
И сейчас же камешки, как мелкие пташечки, заныряли-полетели во все стороны. Над полем ровно фонарики запокачивались. Эти тихонько летят, не торопятся. Один камешок к Васенке подлетел да, как котенок головенкой, в руку и ткнулся - тут, дескать, я, возьми!
Разлетелись каменные птички, тихо да темно стало. Ждет Васенка, что дальше будет, и видит - появился на каменном столе один камешок. Ровно вовсе простенький, на пять граней: три продольных да две поперечных. И тут сразу тепло да светло стало, трава и деревья зазеленели, птички запели, и река заблестела, засверкала, запоплескивала. Где голый песок был, там хлеба густые да рослые. И людей появилось многое множество. Да все веселые. Кто будто и с работы идет, а тоже песню поет. Васенушка тут сама закричала:
- Это кому, дяденьки?

Снизу ей и ответили:
- Тому, кто верной дорогой народ поведет. Этим ключом-камнем тот человек землю отворит, и тогда будет, как сейчас видела.
Тут свет потух, и ничего не стало.
Старатель с женой сперва посомневались, потом думают,- откуда у девчонки в руке камешок оказался. Стали спрашивать, чья она да откуда. Васенка и это без утайки рассказала, а сама просит:
- Тетенька, дяденька, не сказывайте про меня руднишным!
Муж с женой подумали-подумали, да и говорят:
- Ладно, живи у нас... Ухраним как-нибудь, только звать станем Феней. На это имя ты и откликайся.
У них, видишь, своя девчонка недавно умерла: Феней звали. Как раз в тех же годах. И на то надеялись, что деревня не на казенных, а на демидовских землях пришлась.
Так оно и вышло. Барский староста, понятно, сразу прибылую заметил, да ему что? Не от него, поди-ко, сбежала. Лишний работник не убыток. Стал ее на работу наряжать.
Конечно, и в демидовской деревне сладкого было мало, а все не на ту стать, как на казенном руднике. Ну, и камешок, который в руке Васенки оказался, помог. Старатель сбыл-таки потихоньку этот камешок. Понятно, не за настоящую цену, а все-таки хорошие деньги взял.
Маленько и вздохнули. Как в полный возраст Васенка пришла, так в этой же деревне и замуж за хорошего парня вышла. С ним и до старости, прожила, детей и внуков, вырастила.
Старое свое имя да прозвище Счастливый Глазок бабка Федосья, может, и сама забыла, про рудник никогда не вспоминала. Только вот когда о счастливых находках заговорят, всегда ввяжется.
- Это, - говорит, - хитрости мало-хорошие камешки обыскать, да немного они нашему брату счастья дают. Лучше о том надо заботиться, как ключ земли поскорее вызволить.
И тут расскажет:
- Есть, дескать, камень -ключ земли. До времени его никому не добыть: ни простому, ни терпеливому, ни удалому, ни счастливому. А вот когда народ по правильному пути за своей долей пойдет, тогда тому, который передом идет и народу путь кажет, этот ключ земли сам в руки дастся. Тогда все богатства земли откроются и полная перемена жизни будет. На то надейтесь!